

В. И. Ермола   *V. I. Yermola*
(Санкт-Петербург)   (Saint Petersburg)

**О кашубской демонологии
(на фразеологическом материале из словаря
Б. Сыхты)**   **On Kashubian
Demonology (on the
phraseological material
of B. Sychta's
dictionary)**

Аннотация

Статья посвящена частной проблеме (фразеологизмы, связанные с народными обрядами и обычаями) кашубской фразеологии, которая практически не изучена. Кашубская фразеология, связанная с фольклором, чрезвычайно богата компонентами, имеющими отношение к демонологии, что значительно отличает ее от близкородственной ей польской. Результат исследования позволяет сделать вывод о том, что подавляющее большинство фразеологизмов состоит из слов свободного употребления. Изучение подобных единиц чрезвычайно много дает для понимания того, каким образом явления народной жизни находят свое отражение во фразеологии.

Ключевые слова: славистика, кашубистика, фольклор, фразеология

Abstract

The article is devoted to the problem of idioms associated with traditional rites and customs of Kashubian phraseology that has not been studied. Kashubian phraseology related to folklore, is extremely rich in components that are relevant to the demonology, which significantly differentiates it from closely related to her Polish. The study allows us to conclude that the vast majority of phraseology includes free use of the words. The study of these units are extremely helpful in understanding the way in which the phenomena of national life are reflected in the phraseology.

Keywords: Slavic Studies, kashubistics, folklore, phraseology

Кашубы — небольшой славянский этнос, с давних времен живущий на южном побережье Балтийского моря, которое в разное время принадлежало то Пруссии, то Польше. В настоящее время число говорящих по-кашубски по разным данным колеблется от ста до трехсот тысяч человек. Находясь между двумя огромными языковыми стихиями, славянской и германской, кашубы испытывали на себе губительные для этноса германизацию и колонизацию. Ученые, как филологи, так и историки, высказывали серьезные опасения в том, что этот чрезвычайно интересный народ, пользующийся весьма архаичным и поэтому важным для лингвистов языком, в ближайшем будущем исчезнет с лица земли. Российский историк П. А. Лавровский по этому поводу писал: «Принадлежа также к племени ляшско-

му, будучи ближайшими родичами нынешних поляков, как и давно уже исчезнувшие с лица земли славяне полабские, кашубы все более и более стесняются на родной земле... свидетельствуя на каждом шагу и в каждом проявлении своего быта о близости окончательной гибели своей народности над непрерывающимся систематическим и ловким давлением господствующего племени и правительства. Самый увлекающийся оптимист-славянин не откроет в нынешнем народном, политическом и экономическом положении кашубов никаких залогов прочного их бытия в будущем; напротив, встретит все данные их скорого исчезновения»¹.

Филолог А. Ф. Гильфердинг, одним из первых привлечший внимание европейской науки к Кашубии, в своих работах был столь же пессимистичен. Он приводит мнение прусских властей по вопросу лингвистической политики: «...язык, употребляемый кашубским народом, не есть польский, и так как кашубский язык не есть язык письменный и потому лишен всякого основания к дальнейшему развитию, то ходатайствовать, дабы государственная власть употребляла для уничтожения оного все зависящие от нее средства»². Сейм издал приказ о том, чтобы во всех четырех кашубских округах преподавание, не исключая и религиозного, велось на немецком языке. «Кашубский язык, употребляемый в Западной Пруссии, есть лишь наречие литературного польского языка, более близкое к нему даже, нежели баварское или саксонское наречия к литературному немецкому»³.

Так продолжалось до 20-х гг. XX в., когда политика германизации была несколько ослаблена. К счастью, кашубский народ и кашубский язык пережили самые сложные годы, сохранили свою самобытность и надежды на лучшее будущее. Одним из самых оригинальных аспектов фольклора этого народа является его демонология. Она впитала в себя что-то из общеславянской, что-то из германской традиций, однако в большинстве своем это явление чисто кашубское, не похожее на демонологию соседних этносов.

Одной из наименее исследованных областей данного языка можно признать его фразеологию. Фразеологический фонд кашубского языка чрезвычайно богат и оригинален. Толчком к его изучению стал выход в свет капитального семитомного толкового словаря польско-кашубского лингвиста Бернарда Сыхты. Весь фразеологический материал, использованный в данной статье, также извлечен из этого словаря.

Кашубская фразеология, связанная с фольклором, чрезвычайно богата компонентами, имеющими отношение к демонологии, что значительно отличает ее от близкородственной ей польской.

Чаще других демонов упоминается *djobeł* (дьявол) и синонимичные ему слова *čart*, *b'es*, *kaduk*, *p'ek'eln'ik*, *smolon*. Мотивирующий признак враждебности

¹ Лавровский П. А. Этнографический очерк кашубов // Филологические записки. 1873. Т. 12. Вып. IV–V. С. 1.

² Гильфердинг А. Ф. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. СПб., 1862. С. 34.

³ Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. М., 1855. С. 34.

дьявола по отношению к человеку метафорически использован во многих фразеологизмах, возникших в связи с верой в существование дьявола. Различные отклонения от нормы, связанные с атмосферными процессами объяснялись вмешательством в них нечистой силы. При виде вихря, дождя со снегом в различных регионах Кашубии говорят: *djobeł loto z motłą* — дьявол летает с метлой, *djobeł są žen'i* — дьявол женится, *djobeł są ceši* — дьявол радуется, *djobeł jidze na jaxtą* — дьявол идет на охоту.

Дьявол в представлении местных жителей не переносит запаха ладана, боится раскатов грома, что нашло отражение во фразеологических единицах *k'ixac jak djobeł v koscele* — чихать, как дьявол в костеле, *bojecsą jak djobeł g'řmotu* — бояться, как дьявол грома. Раскатов грома дьявол у кашубов боится потому, что, по их поверьям, это звуки, производимые тачкой с камнями, которую по небу везет враг дьявола святой Петр: *Sv'ątu P'otr kam'en'e karėje* — святой Петр везет в тачке камни. О вещи, которую никак не могут найти, говорят, что ее *djobeł p'ękril ogońą* — дьявол накрыл хвостом.

В народной фантазии у дьявола множество имен — *Lęcęper, Jęrk, Latav'ec, Zgřexa, Zgvidlok, Skarbov'ec, Mamon, Gnojař, Skamžox*. Однако самыми распространенными являются *Purtk* и *Smařk*.

Purtk известен в кашубской демонологии тем, что особенно старательно охотится за душами грешников: *xcęv'icsą jak Purtk na dęřą* — зариться, как черт на душу (о ком-либо, старающемся прибрать что-либо к своим рукам), *lecęc jak Purtk z dęřą do p'ękła* — лететь, как черт с душой в пекло (о быстро бегущем человеке). В современном кашубском языке слово *purtk* стало абсолютным синонимом слова *djobeł*. Все фразеологизмы с компонентом *djobeł* возможны и с компонентом *purtk*: *spuřćac djobłov (purtkov) z lin'suxov* — спускать чертей с цепи (ругаться, браниться).

Smařk, по кашубским поверьям, самый молодой из демонов, который чаще всего является в облике молодой девушки какому-либо мужчине и пытается его соблазнить. Поэтому о влюбленном по уши кашубы говорят: *jego xoba Smařk osamařał* — его, видимо, Смонтк окрутил.

Менее популярной фигурой в кашубском фольклоре является *farmazin* (фармазон, масон), т. е. человек, который продал свою душу дьяволу на основании уговора, подписанного его собственной кровью. По этой причине фармазон никогда ни в чем не нуждается, однако он обязан каждый год построить что-то новое в своем хозяйстве. Этим поверьем объясняется фразеологическая единица (далее ФЕ) *buduje jak farmazin* — строит, как фармазон (о человеке, который постоянно что-либо строит).

Gřen'a у кашубов является воплощением сна, существом, которое способно усыплять людей. ФЕ с этим компонентом довольно многочисленны, а различаются в основном глаголами, входящими в их состав: *Gřen'a go tleće* (Гженя его бьет), *Gřen'a go dęři* (Гженя его душит), *Gřen'a go namav'ą* (Гженя его уговаривает), *Gřen'a p'řeřed v gosćeńą* (Гженя пришел в гости). Так обычно говорят

о дремлющем человеке. Гженя усыпляет с помощью особого песка, который он сыплет в глаза людей (сравни Sandman в немецком фольклоре): *Gřen'a jidze z p'aska* — Гженя идет с песком (кого-либо одолевает сон).

ФЕ *dzěva jaxta* (дикая охота) отражает верования кашубов о неизбежной каре за грехи в земной жизни, так как «дикая охота» — это души охотников, которые при жизни охотились по воскресеньям до полудня, вместо того чтобы пойти в костел. «Дикую охоту» люди не столько видят, сколько слышат, поскольку ей сопутствуют звуки выстрелов, крики, лай собак, разносящиеся по лесу. Особенно явственно «дикую охоту» слышат *klusovn'icě* (браконьеры).

Rok'itn'ik — злой демон, вызывающий сильный ветер. Народное поверье наделило его крыльями летучей мыши и телом человека. Имя этого духа происходит от слова *rok'icěna* (ракита), поскольку именно в зарослях этого кустарника он обитает. ФЕ *latac jak Rok'itn'ik* — летать, как Рокитник (быстро бегать, нестись как угорелый) мотивирован представлениями о быстром передвижении Рокитника.

Bogóvc в представлениях кашубов — дух-опекун леса. Он очень робок и всегда прячется, если слышит шаги человека. Кроме того, он чрезвычайно одинок и может наводить на человека меланхолию. Этим суеверием объясняется ФЕ *spotkacsa z Borovca v lese* — встретиться с Боровцем в лесу (быть очень грустным). ФЕ *Bogóvc plače* — Боровец плачет (о звуках, издаваемых деревьями во время лесоповала) мотивирован основной задачей этого духа — охраной леса.

Stolem — это фольклорный великан, которых в Поморье было, в соответствии с многочисленными народными сказками, очень много. Выглядели они так же, как и обычные люди, но голова их была выше самых высоких деревьев, они срывали тучи с неба и бросали их на поля. Высокий рост Столема объясняет возникновение ФЕ *krevn'i ze Stolemem* — родственник Столема (о человеке очень высокого роста).

Широко распространены в кашубской демонологии легенды о призраке, называемом Мора. В их представлении Мора — это душа, которая покидает тело крепко спящего человека на время сна. Она попадает в дом через замочную скважину, укладывается на человека и начинает его душить. Этим объясняется семантика ФЕ *blade jak bě go Mora děšěla* — бледный, будто его Мора душила (об очень бледном человеке). Чтобы предохранить себя от появления Моры, в замочную скважину вставляли веточку крушины или перо серой гусыни. Этим объясняется ФЕ *bojescsa jak Mora šatłaxu* — бояться, как Мора крушины (о перепуганном человеке).

Рамки статьи не позволяют остановиться на других фразеологических оборотах с компонентами фольклорного характера, поэтому мы вынуждены ограничиться вышеприведенными. Большинство ФЕ состоит из слов свободного употребления. Это характерно и для фразеологии других славянских языков, так что кашубский здесь не является исключением. Таким образом, фразеология находит подтверждение тому, как фольклорные данные языка пытаются объяснить окружающий нас мир и место самого человека в нем.

Литература

- Бодуэн де Куртене И. А.* Кашубский «язык», кашубский народ и «кашубский вопрос» // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1897. Часть СССХ, апрель. С. 306–375; Часть СССХІ, май. С. 83–127.
- Гильфердинг А. Ф.* Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века. СПб., 1861.
- Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. М., 1855.
- Гильфердинг А. Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. СПб., 1862.
- Ермола В. И.* Кашубско-русский фразеологический словарь. СПб., 2011.
- Лавровский П. А.* Этнографический очерк кашубов // Филологические записки. 1873. Т. 12. Вып. IV–V. С. 1–10.
- Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 1–7. Wrocław: PAN, 1967–1976.